

Мулляр Лилия Анатольевна

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры социальных
и политических дисциплин
филиала Северо-Кавказской академии
государственной службы

**«ДОБРЫЙ МОЛОДЕЦ» – «КРАСНАЯ
ДЕВИЦА»: ОПЫТ СОЦИАЛЬНО-
ОНТОЛОГИЧЕСКОГО ИСТОЛКОВАНИЯ
ГЕНДЕРНЫХ ЗНАЧЕНИЙ
СТРАТЕГИИ ДОСТИЖЕНИЯ**

Аннотация:

В статье рассмотрены и истолкованы в социально-онтологическом измерении гендерные значения стратегии достижения, репрезентированные образами-концептами фольклорной сказки «Добрый молодец»/«Красная девица».

Ключевые слова:

социальная онтология, гендер, образ-концепт, стратегия достижения, успех, удача, фольклорная сказка.

Mullyar Liliya Anatolievna

Ph.D., Associate Professor,
Associate Professor, Department of Social
and political disciplines
a branch of the North-Caucasian Academy
Civil Service

**«GOOD BRAVE» – «FAIR MAIDEN»:
TRIAL OF THE SOCIAL-ONTOLOGY
INTERPRETATION OF
THE GENDER MEANINGS**

Summary:

In this article there examined and interpreted in social-ontological measuring gender meanings of the strategy achievement in image-concept of the folklore tale «Good brave»/«Fair maiden».

Keywords:

social ontology, gender, image-concept, strategy achievement, success, good fortune, folklore tale.

Социокультурная реальность «представляет собой сложную многозвенную систему, одна из важнейших позиций которой занята гендерной самоидентификацией: принципиально, во всем культурном так или иначе можно обнаружить гендерный код, ибо человечество изначально разделено на мужчин и женщин» [7, с. 132], поэтому правомерно заключить, что эффективность социального бытия человека конкретизирована результативностью его гендерного бытования: гендерный формат стратегии достижения маркирован нами как социально-онтологический. Особое истолкование (социально-онтологическое) в особой проекции (фольклорно-сказочной) гендерных комбинаций *успеха/удачи* открывает возможность социосемиологического «развертывания» значений стратегии достижения. Социологема «социальный пол/гендер» репрезентирована семиологемой (*образом-концептом*) «Добрый молодец/Красная девица» в сказках двух типов: «мужских» с активным/пассивным героем и «женских» с активной/пассивной героиней.

1. «Мужские» сказки.

Модус стратегии достижения *удача*.

Жизненный мужской сценарий *удачи* широко распространен в отечественных сказках: «Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что»; «Сивка-бурка»; «Иван-царевич и серый волк»; «Царевна-лягушка»; «Волшебное кольцо»; «Свинка – золотая щетинка»; «Скатерть, баранчик и сума»; «Три брата идут к старику за огнем»; «Заячий пастух»; «Летучий корабль»; «Медный лоб»; «Конек-горбунок» П. Ершова; «Сказка о царе Салтане», «Сказка о рыбаке и рыбке» А. Пушкина. Модус стратегии достижения *удача* в русских сказках обусловлен традицино-патриархальными аграрными практиками добывания/присвоения, к которым относятся *промысел и землепользование*. Мужской сказочный персонаж выполняет промысловые действия, которые предусматривают непосредственный и, зачастую, стихийный контакт со стихийным же естественным пространством – отхожие зверобойные (лесные) и рыболовецкие (речные/морские) промысловые территории обеспечивают присвоение готовых природных форм: мужчина-добытчик (культурный герой) совершает «достижительные» странствия и подвиги (собственно герой) с непредсказуемым результатом, а потому стяжает *удачу/неудачу*, возвращаясь с добычей или без нее – «как повезет!». Чуждый *toros* – «темный лес», «глубокое море-океан» – *оказывается* для мужчины-добытчика освоенным и присвоенным не столько за счет собственных усилий, сколько за счет *оказии/случая*, благоприятного стечения обстоятельств. Так формируется стереотип физически актанта-активного (промышляющего), но личностно актанта-пассивного (*удачливого*) *Доброго молодца*, представленный персонажем *охотника* («Всю жизнь свою занимался старик охотой, бил зверя и птицу, тем и сам кормился, и семью кормил»

[6, с. 87], «Пошел раз Андрей-стрелок на охоту. Ходил, ходил целый день по лесу – не посчастливилось, не мог на дичь напасть» [6, с. 14]) и персонажем *рыболова* («...И увидел Емеля в проруби щуку. Изловчился и ухватил щуку» [6, с. 131], «...старик ловил неводом рыбу» [5, т. 1, с. 629]). Сельскохозяйственное «землепользование» формально относится к продуцированию, но фактически серьезно зависит от стихийности природных сил и потому сущностно ближе добыванию/присвоению. Учитывая отраслевой приоритет сельского хозяйства в социально-экономической эволюции России в условиях «необычных перепадов природных процессов», считаем закономерным соответствие модуса стратегии достижения *удача* российским социально-эмпирическим реалиям: «Природные процессы колеблются во многих странах. Но именно в континентальной части Центральной России, где сформировалось ядро русской нации, перепады были настолько велики, что результаты труда давали большой разброс. Здесь скрыта существенная черта формирования особенной ментальности» [9]. Применительно к данному исследованию возможно усмотрение этой особенности российской ментальности в популярности таких персонажей отечественной сказки, как *промысловик/землепользователь* старик-крестьянин или Иван/Емеля – крестьянский сын, репрезентирующих в качестве прецедента стратегии достижения *Доброго молодца* модуса *удача, но не успех*: «Любимый герой народных сказок – Иванушка-Дурачок... Он – существо внутренне бессильное, всецело зависимое от случая, всегда ожидающее помощи со стороны... Иванушка-дурачок создан крестьянской массой, живущей в полной и вечной зависимости от сил природы» [2, с. 154–155].

Мы с пониманием относимся к идее о том, что Емеля/Иван-дурак суть «трансценденция в образе Дурака, который в «ином царстве» становится царем» (А. Синявский), «скрытый царь» (В. Люсин), «избранник высших сил, которому изначально суждено стать первым» (Н. Пушкарева), но не в этом ли и состоит проблема: *модальный тип мужчины формируется в русской культуре вне земной ответственности, вне эмпирического делопроизводства?* Мы принципиально не согласны с тем, что социальная пассивность Емели/Ивана-дурака заслуживает мистического оправдания, и полагаем, что «образ «низкого» героя имеет социально-бытовую основу» [3, с. 196], и потому объяснение следует искать в социально-онтологической плоскости. В связи с этим считаем базовым глубокое исследование «волшебной сказки как отражения и оценки действительности», проведенное Е. Мелетинским, в котором он указал, что «лень, лежание на печи, нежелание работать, не имеют никакого «магического» значения», а «социальной почвой пассивности героя являются некоторые стороны крестьянской идеологии» [3, с. 194–195]. Ситуация, по нашему мнению, не безобидная, ибо «крестьянская идеология» – перманентная и повсеместная социальная привычка и ментальная характеристика русского народа, содержащаяся в сказке, а именно фольклорная: «сказка дает ясный образ создавшего ее народа»: российская гендерная социализация давно приобрела форму и суть «*емелеизации*» мужского сознания – «увлечения неделанием в связи с утопией лентяя» [8, с. 117], и потому стала и остается социально-онтологической трагедией российского общества.

Модус стратегии достижения *успех*.

Модус стратегии достижения *успех* предполагает освоение/продуцирование. «Достижительная» активность связана с мастерством, созиданием, что способствует формализации в «мужском мировоззрении» чувства хозяина своих сущностных сил и ответственности за их воплощение. Мужской *успех* мыслится как «рукотворное» благополучие, предсказуемое приращение достатка, кропотливая работа по обеспечению устойчивости и процветания социума. Чуждый *toros* – «земляное богатство», «ремесленные навыки» – мужчина-производитель *делает* своим, дающим гарантированный результат, прежде всего за счет приложенности собственных усилий, основополагающих умений «мужского» рационального делопроизводства, осознанной свободы, социальной активности, предприимчивости и ответственности.

Приоритет традиционно-патриархального аграрного уклада жизни и слабая выраженность «всего частного» в экономической и «социальной ситуации» российской реальности обусловили закономерную «сказочную ситуацию»: персонажи-демиурги, занятые ремесленно-промышленным делом или экономическими услугами (Данила-мастер из «Уральских сказов» П. Бажова, купец из сказки С. Аксакова «Аленький цветочек»), в русских сказках, скорее, исключение, чем правило, потому их актантивность, к сожалению, не стала повсеместным и общепризнанным прецедентом *успеха*. С точностью до наоборот обстоит дело в европейской сказке, что также объективно и закономерно связано с известными социальными обстоятельствами в Европе (раннее утверждение капиталистического уклада жизни и приоритет «всего частного»): купец, мельник, стекольщик, сапожник, советник медицины, городской судья, советник юстиции, портной, золотых дел мастер, башмачник, повар, дорожные рабочие, ученый, писатель чаще всего являются главными персонажами сказочного сюжета. Приходится признать, что полноценный модус стратегии достижения *успех*, подразумевающей мужчину устроителем (муж) по-

рядка (чин), а значит создателем уклада, «законодателем» образа жизни, в русской сказке ограничен ратной маскулинностью в качестве одномерной характеристики «мужского» как состоявшегося, зрелого, сильного не в мирной созидательно-производительной практике, а только в военной сфере. Русские сказочно-былинные богатыри Илья Муромец, Еруслан Лазаревич, Иван – коровий сын, Белый Полянин – непосредственная феноменологизация образцово-модели мужского брутального *успеха* как «торжество «непомерной» мощи».

2. «Женские» сказки.

Модус стратегии достижения *удача*.

Модус стратегии достижения *удача* для женщины имеет, прежде всего, формат брачных притязаний изначально (стартовый *упадок*) обездоленной героини (младшая дочь/сестра, падчерица) по отношению к экономически состоятельному и социально-статусно престижному жениху: «Сказка всегда на стороне обездоленной» [3, с. 137]. *Удача* младшей дочери/сестры представляет вариант внезапного женского счастья – социоментальную «идеализацию младшей дочери, возможно, отражающую женский юниорат» [3, с. 139]. Брак с «чудесным женихом» – социальная компенсация, означающая для героини-аутсайдера выход из состояния униженности, угнетенности, несвободы – социально-онтологического *упадка*.

С брачно-семейным статусом связано и такое проявление модуса стратегии достижения *удача*, как чудесная беременность (съела горошину, волшебную рыбку) или чудесное появление (вырастила цветок из ячменного зерна, слепила, вымолила) у бесплодной женщины чудесного ребенка («Дюймовочка» Г.-Х. Андерсена; «Печеночка», «Иван – коровий сын», «Морской царь и Елена Премудрая», «Покатигорошек» А. Афанасьев).

Модус стратегии достижения *успех*.

Красная девица в русской сказке выходит за границы семейного пространства, «объявляет о готовности быть наравне с мужчиной в его внедомашней и внесемейной деятельности» [4]. Гендерная конфигурация *успеха* в данном случае связана с «брутальными» персонажами женщины-воительницы, сравнимой с мужчиной-богатырем, как, например, Марья-Моревна, Царь-девица, Синеглазка, Усоньша-богатырка («Молодильные яблоки», «Синеглазка», «Марья Краса Долгая Коса», «Марья Моревна») и обеспечивающей специфику русской сказки: европейская сказка не знает подобных образов.

Основа социального успеха царственной женской особы – Госпожи – власть, социальная доминантность. В европейской сказке Госпожа представлена многочисленными персонажами: Госпожа Метелица, фрау Холле, фрау Труда, Снежная королева, Ледяная Дева, Хлебная Мария, Госпожа Мышильда, Фея Розабельверде. Следует отметить, что успех европейских сказочных властительниц устойчив и стабилен. В большинстве же русских сказок успех царственной особы временный, и в итоге она терпит поражение (*упадок*): покоряется мужчине и отстраняется от власти, либо уничтожается. Этот «ответ» на притязания успешной женщины закономерно для традиционного православно-патриархального российского социума: явное «сужение», «свертывание» социально-онтологической значимости женщины соответствует приоритету феодально-аграрного образа жизни и укреплению позиций православной церкви в России. Поэтому в русской фольклорной сказке практически нет примеров свободной и самодостаточной женщины. Исключение составляют «Уральские сказы» П. Бажова, где образ-концепт Госпожи – это Хозяйка Медной горы/Малахитница. Камень, гора символизируют крепость и возвышенность, поэтому Хозяйка Медной горы – семиологическая идеализация величия, превосходства, устремленности вверх - успеха.

Созидательный *успех* сказочной Волшебницы, творящей «из ничего» за одну ночь дворцы, мосты, сады или вмиг меняющей социальную ситуацию, сакрализована: колдовство по семиологической сути может быть *успехом* Волшебницы по делустроению и судьбостроению («вещая женка» в русских сказках). Полет Волшебницы – *успех* в форме трансцендентной самореализации женщины, как способность к непосредственному преодолению, превышению, прорыву в запредельное, размыкание внутри-личностной рамочности и внешне-социальной ограниченности.

Итак, сказка создает и транслирует гендерные образы-концепты модусов стратегии достижения *удача* и *успех*: эталонность *образов-концептов* *Добрый молодец – Красная девица* актуализирует их как важнейшие викарные прецеденты гендерной социализации. Сказка уже в раннем детстве предоставляет гендерные стереотипы стратегии достижения, в которых «обычно заключена вся жизнь человека. Ее базу составляют решения, принятые в детском возрасте» [1, с. 373]. Эти решения определяют конструирование гендерной идентичности и, таким образом, обуславливают «достижительное» поведение человека на разных этапах жизненного пути в социально-онтологическом пространстве в соответствии с предпочтением *удачи* («ожидаящая» пассивность) или *успеха* («действующая» актив-

ность); обеспечивают социально-онтологическую оправданность и результативность экономических, политических и демографических практик социума.

Ссылки:

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. Минск, 1998.
2. Горький М. О дураках и прочем // Литературно-критические статьи. М., 1985.
3. Мелетинский Е. Герой волшебной сказки. М., 2005.
4. Пушкарева Н. «Странные» мужчины в русской национальной традиции. URL: <http://www.narod.ru>
5. Пушкин А. Соч. в 3-х т. М., 1985.
6. Русские сказки. М., 1993.
7. Сапогова Е. Гендерные концепты сознания в контексте социокультурной психологии // Языки и картина мира. Тула, 2002.
8. Трубецкой Е. «Иное царство» и его искатели в русской сказке // Литературная учеба. 1990. № 2.
9. Шкаратан О., Карачаровский В. Русская трудовая и управленческая культура. URL: <http://www.socio.ru>.

References:

1. Bern E. Games people play. People who play games. Minsk, 1998.
2. Gorky M. About fools and stuff // Literary-critical articles. M., 1985.
3. Meletinskii E. Hero of a fairy tale. Moscow, 2005.
4. Pushkarev A.N. "Strange" Men in Russian national tradition. URL: <http://www.narod.ru>
5. Pushkin A. Works. M., 1985.
6. Russian fairy tales. M., 1993.
7. Sapogova E. Gender concepts of consciousness in the context of socio-cultural psychology // Languages of the world picture. Tula, 2002.
8. Troubetzkoy E. "Other Kingdom" and its seekers in Russian fairy tale // Literary Studies. 1990. № 2.
9. Shkaratan O., Karacharovskiy V. Russian labor and management culture. URL: <http://www.socio.ru>.